

ВАЛЕНТИНА СИДОРЕНКО

И ДАН БЫЛ ПУТЬ, И Я ЕГО ПРОШЛА

* * *

По Божьему Слову рождались сквозь муки.
Как яблоки, шлёпались в русские руки,
Чистейшие руки на этой земле,
Где матери светят, как звёзды во мгле,
Где матери шепчут молитву, как дети.
По этим молитвам росли мы на свете:
На свежих ветрах пузырились рубахи,
И голые пятки мелькали, как птахи.
И всё, что светилось, цвело и летало, —
Всё Родиной было, родимым дышало.
И речка омоет, и ветка укроет,
И птица, как мати дитя, успокоит.
Побалует сладкой малиной лесок,
И змейка покажет цветной поясок...
Но как уходили! Рвались без оглядки.
И с Родиной милой играли мы в прятки,
Без памяти светлой.

СИДОРЕНКО Валентина Васильевна — поэт, живущий и работающий в Иркутске, автор трёх стихотворных и четырёх прозаических книг, состоит в СП России. В 90-х годах прошлого века главный редактор легендарного патриотического издания "Литературный Иркутск".

И будто гонимы —
 в столицы,
 Арбаты,
 Иерусалимы.

С полянки — на площадь,
Из горниц — да в залы.
С амвонов — в салоны.
Из лада — в скандалы.

Высокие кафедры, громкие речи,
Банкеты, приёмы, бесплодные встречи.
Звонки и речисты.

 И вроде, и вроде —
О русской беде и
 о русском народе.
О русской избе, как о снеге вчерашнем,
О стылом колодце и брошенной пашне.
О святости русской, замученном Боге...

Но видится: Матерь нисходит к дороге,
Идет по той самой, какой убегали,
И в русские избы, и в русские дали.
И слышатся тихие речи в ночи,
Простые молитвы, как хлебы в печи.
И в окна зарницы, где светят, как дети,
Последние русские люди на свете...

* * *

Тело к телу, чтоб была любовь,
Жизнь дышала и алела кровь.
В новеньких ладошках у младенца
Зрима мне незримой жизни суть:
“Для меня набухла эта грудь!..”
Солнце в окна выдаёт коленца,
Пахнет мылом, брагой и весной.
Ангел мой склонился надо мной,
Рот к груди подпихивает смело.
Тело к телу.

Тело к телу, чтоб была любовь,
В жилах огненных вскипела кровь,
Блажь в устах таинственная пела.
В окна брезжит утренняя синь,
Жест твой кроткий повторит мой сын.
Синь в глазах. И жар в кудрях неспелых.
Ясен мне часов судьбинный бой.
В эту ночь начнём его с тобой —
Тело к телу.

В грешном гуле радостей и тризн
Кто отходит? Это наша жизнь
Тихими расходится кругами,
Бледным ликом и едва дыша
От души отверзнется душа,
И помчатся разными берегами,
Станут перед Господом несмело
Две души чужих.
И прахом — тело...

* * *

Осенние настали вечера,
Студит и бьёт в ворота стылый ветер,
Звезды не видно, только окна светят,
Дожди стучат по крышам до утра.
И в сумерках я запалю печь.
В моём уединении жестоком
Не слышится ничья живая речь,
Один ночник своим дремотным оком
Чуть освещает мой убогий быт,
Где украшеньем — печь да три иконы.
Горит и жжёт в окно багрянец кроны,
Перо в руке и дышит, и скрипит...
И медленно, спокойно и пространно
Я расскажу на чистом на листе,
Как горестно, зияя рваной раной,
Мой век, как птица, в вечность отлетел.
Он был двадцатым от рожденья Бога.
Не понят был он, резок и раним,
Душа и жизнь моя в его дорогах
Впечатаны навечно, как в гранит.
И я гляжу вослед ему в оконце
Из дома деревенского, где он
Живёт, как дух, непознанный, как солнце,
Не вправленный в чреду других времён.
Прощай, мой век! Совсем прощай,
навеки.

Ты был последним на моей земле,
Уже другими будут человеки,
И новое рождается во мгле.
И новый гомо сапиенс двуликий
С расчётливым прищуром зрит из тьмы
На матрицу времён, где гаснут лики,
Куда своей чредой уходим мы.
Туда, туда, где в образ первозданный
Чистейшую черту ты внёс, мой век,
Где мой народ прекрасный и созданный
Дыханьем Божьим пребывает век.
И мой поклон и времени, и роду,
И русскому народу на Руси
Пребудет узким входом во свободу,
К простёртому над нами небосводу,
К Творцу, что сущий есть на небеси...

* * *

В новолунье, на снег молодой,
На весеннюю свежесть пороши
Пролетели под млечной звездой
Сизокрылые, расхорошие,
Прикорнув на мгновенье. И ввысь,
Неустанно вращая крылами,
Словно ангелы, поднялись
Над долинами и морями.
И поплыли — родные до слёз —
Косяками, вразлёт. Над Россией
На стоянье святое берёз —

Белоснежные птицы России
Торопились, летели, рвались,
Возвращались в родимую высь!
Так и мы возвратились в Свой Дом,
Все сошлись над церковным крыльцом.
Под златыми стоим куполами
В час вечерний Великим Постом.
Смотрим кротко, как птицы крылами
Возвращаются в общий наш дом.

* * *

Крылечко наше занесут снега,
Тропинку к дому заметут метели.
Под утро в серебро и жемчуга
Куржак обрядит лапы древней ели.

С утра с тобой мы запалим огонь,
Печь затрещит, как сватья расписная...
Возлюбленный мой, прошлое не тронь!
Я не жила, я ничего не знаю.

Ты жил один: тебе был рай и сад,
И гурии цвели сладкоголосо.
Я не взгляну, не обернусь назад,
Остаток жизни доживём мы просто.

В печь русскую я заложу хлебы,
Поставлю щи томиться на припечье.
Мы не ушли от дома и судьбы,
Спокойны и мудры, как наши речи.

Не спрашивай же ни о чём. Зачем?
Я только помню: осы да осины,
По осени рубиновой рябины,
Прекрасные, как свет твоих очей.

И сиверко, и дымный листопад,
Глаголы в полуночье одиноком.
Потомок мой и будущий собрат
Услышит их и вознесёт высоко.

Он скажет их возлюбленной своей.
Они взметутся, разлетясь, как птицы.
Ты ими сердце гордое согрей,
Ведь всё и вся тебе за них простится.

Я выстрадала их, когда снега
Твои следы порóшили. И ели,
Как женщины, стонали на берегах,
Закутанные в белые метели.

* * *

И паутины ясной нить
летит из края в край,
Ты в эти золотые дни
меня не провожай.

Не отымай воздетых рук,
 чтоб ласку их забыть.
Ты — мой единственный,
 мой друг,
Но вместе нам не быть.
Черты заветной не дано
 нам вместе преступить.
Она начертана давно,
И мне уже не быть.
В тот край далёкий,
 вечный край
Покоя и разлук
Не провожай меня,
 мой друг,
Совсем не провожай!
Чтоб с вышних, верных
 тех вершин
Душа не сорвалась.
Ведь на земле лишь ты один
 имел над нею власть.
И пусть она взойдёт одна
Звездой средь бела дня.
Не наша, друг мой, в том вина.
Не провожай меня...

ПОМИНАЛЬНОЕ

Расстелю-ка я белую скатерть,
Помяну-ка отца я и мать.
Брата милого, злого соседа
И того, с кем была мне беседа
Слаще мёда и сна на рассвете.
Царство Божие им на том свете!

Пухом ложе и путь им парчою!
Мать родная сгорела свечою,
Пал подрубленным дубом отец,
И настиг мила брата свинец.

Водка гордого съела соседа.
Ну, а тот, с кем любима беседа, —
Он ушёл. Просто так. Не со зла.
Он ушёл, чтобы я умерла.

Вот допью я вино золотое
И к последнему тронусь покою.
Лист падёт на помятую скатерть,
За которой отец мой и мать
Хлеб ломали и пили вино,

За которой давненько-давно
Разливалась-сладила беседа,
Невзирая на злого соседа,
И звенел вдалеке бубенец,
Предвещая печальный конец.

* * *

Но ещё оглянулась, вослед
Поглядела... И долго глядела:
По асфальтам земли, как вдоль тела,
Шрамом стынет, и рвётся твой след.
Я смотрела, как ты отходил,
Во вратах земнородного рая
Тень кровила твоя, исчезая,
Но вернуть тебя не было сил.
Замыкалось кольцо бытия,
Скол судьбы полыхнул, как зарница,
Отлетает, как поздняя птица,
Моя жизнь во иные края.
Не пытаю я Божьих путей,
Слышу только в кустах краснотала
Горький запах осеннего пала —
Пепел дома, какого не стало,
Разлетается вширь без затей.
Ни к чему утешенья слова,
Но на небо взглянув, увидала:
Тихо плещется сень Покрова,
Снег летит в городские кварталы.
Серебром зацвела голова...
Время поздней молитвы настало!

* * *

Ну, вот и одна ты — поди, оглянись,
А пили, и пели, и в дружбе клялись.
И всяких, и разных — как пена сошли.
И пусто на сердце, и тихо вдали...
И только я помню наш дом у заката,
И маму за прялкой, и светлого брата.
И на зиму рамы вставляет отец,
И ветер звенит, как шальной бубенец.
И ворон о встрече кричит над туманом...
А всё остальное — всё было обманом...

* * *

На Казанской взыграют метели,
В тёмных сумерках вызреет наст,
В безмятежные сны колыбелей
Матерь Божья судьбину подаст.
И заря, как хоругвь у престола,
Выткет утро крестом золотым.
Видишь, Ангел у русского дола:
Меч — из ножен, и смотрит сквозь дым.
Твёрдый в поступи, в жестах покоен,
Взор глубокий, протяжный, как стон...
С неприступных жарков колоколен
Раскатился басистый трезвон.
Мать Казанская с ратью святою
По студёной пошла по Руси.
Губы полнятся речью простою
И извечной:

— Прости и спаси...

* * *

Закат что плат — цветным убором...
В святой, апостольской, соборной
Под куполом под тяжкий стон
Андрея Критского — канон.

Над куполом — звезда в выси,
И о-ди-но-ко на Руси,
И ветрено, и покаянно.
И что мне делать, окаянной?!
Что делать мне и как дожить,
Как жизнь ненужную избыть
В России — ныне инородной,
Пустой, расхристанно-свободной?!
О, если б, если б не канон,
Не горестно-горчащий звон...

ВСТРЕЧА

В белом тумане на пажити ржавой
Встали они, как во сне.
Белая, руки скрестив величаво,
Молча склонилась ко мне.

— Кто вы? Откуда? Какое же лихо
В наши задуло края?
— Я — твоя старость, — ответила тихо.
— Старость твоя, — пронеслось
над гречихой. —
Белая старость твоя.

— Кто же другая, — спросила, немея. —
Тёмная, кто за тобой?
— Кто же за старостью ходит? За нею
Вечности сон неземной!

— Не нажилась я! И жизни не видела!
Может, ещё погодишь?
— В эти години свои незавидные
Жизнь свою всю ты узришь.

Будет печалью твоё одиночество
Благовестить и пытаться,
Полниться будет о жизни пророчество...
Будешь блазнить и страдать!

Вот и прошли. И туман, оседая,
Спал пеленою со дня.
Только над лбом моим прядка седая
Вызрела враз, когда та, что другая,
Зорко взгляделась в меня!

* * *

Но из разверзнутых небес
Ложился снег на голый лес,
На чёрный лес,
на тихий лес,

Спокойный и открытый лес,
На крыши тёмные домов,
На шапки светлые холмов,
На обнажённые поляны.
Ложился ясным и желанным,
Как сон, как свет, как благодать.
И чтобы просто осознать —
Какое счастье снег встречать, —
Мне нужно было жизнь прожить,
Всех потерять
и всех простить...

* * *

В июле — грозы, в августе — туманы.
Потом сентябрь, младенец первозданный,
И изморозь густая на стогах,
И свой черёд отлёта справят птицы,
И окна изойдутся голубицей,
А там снегов небесных белый прах...
Как жизнь проста. Её порядок строен:
За чином — чин, за рядом — строгий ряд...
Уже с высоких гулких колоколен
Вослед прощальный отлетел обряд
В июле — Марье, в августе — Сергею.
И птицы отпевали Алексея
На маленьком погосте у креста.
А со снегами отходила Анна...
Я, им вослед взирая благодарно,
Жду череды своей с улыбкой странной,
В молитве светлой разомкнув уста,
И жизнь проста, мой друг,
и смерть проста.

* * *

Вот мы стоим в конце пути земного,
И нашего с тобой, и мирового,
В конце времён нам чуждых мы стоим.
Звериным смрадом дышит ад за нами,
Над нами и под нами, и над нами,
И мы живём в огне его горим.
Скажи теперь, сейчас, когда готовы
Для пепелищ и сера, и зола,
И в чёрном небе злобных знаков зла,
Что звёздный дождь
над каждым нашим кровом,
Скажи мне слово, то скажи мне слово,
Которое всю жизнь свою ждала.
И ветра свист там, и сквозняк упругий,
Где мы с тобой не обрели друг друга,
Душа в родную душу не вошла.
Где над землёй и куполами башен
Слова любви не прозвучали наши.
Вот отчего земной закат нам страшен,
И мы в огне его сгорим дотла...

